

9747.81

551

Р. С. Ф. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕКАТЕРИНБУРГ

1723-1923

СОСТАВИЛ

А. БЕРС

АРХЕОЛОГ.

(ПО МАТЕРИАЛАМ ЮБИЛЕЙНОГО СБОРНИКА).

ИЗДАНИЕ ЮБИЛЕЙНОЙ КОМИССИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА РАБ. И КРАСНОАРМ. ДЕПУТАТОВ.

*

83

13.03 25520

20.05 Звоненская

11/x - утом.

12/x - "

13/x - 18/1 83

13/x - 2 мая 1983

14/x - " —

16/10 Санфранциско

19/x Саванна
17/1 89

12/IV Брюссель

1985
Филмюль

25/VII - 86

1/VIII 24/1189

16/X 488

5/1x
KA
11/1x
12/1x
13/1x
14/1x
15/1x
16/1x
17/1x
18/1x
19/1x
20/1x
21/1x
22/1x
23/1x
24/1x
25/1x
26/1x
27/1x
28/1x
29/1x
30/1x
31/1x
1/1x
2/1x
3/1x
4/1x
5/1x
6/1x
7/1x
8/1x
9/1x
10/1x
11/1x
12/1x
13/1x
14/1x
15/1x
16/1x
17/1x
18/1x
19/1x
20/1x
21/1x
22/1x
23/1x
24/1x
25/1x
26/1x
27/1x
28/1x
29/1x
30/1x
31/1x

12562

25548

Б-51-С

6-ИЮН.1928

Р. С. Ф. С. Р.

9(473р)

67691

Б.519

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕКАТЕРИНБУРГ

1723-1923

СОСТАВИЛ

А. БЕРС

АРХЕОЛОГ.

(ПО МАТЕРИАЛАМ ЮБИЛЕЙНОГО СБОРНИКА).

Издание юбилейной комиссии Исполнительного Комитета Екатеринбургского Городского Совета рабоч. и красноарм. депутатов.

Ек-б., тип. «Гранип» Акц. О-ва «Уралкнига» 1923 г.

1927

Архив

118455277
2

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ
библиотека
им. В. Г. Белинского
г. Свердловск

Предисловие.

Летом 1923 года исполняется 200 лет со дня основания города Екатеринбурга.

В 1723 году на берегах р. Исети в самом срочном порядке, ценою беспримерных насилий над рабочими, в один год был построен город-завод.

С первых же дней своей жизни Екатеринбург стал центром управления горным делом на Урале. Хотя с 1723 года его официальное административное положение несколько раз менялось, он не терял господствующего в крае положения и неуклонно увеличивался, благодаря крайне выгодному положению—в центре горнозаводского района на самом удобном перевале через Уральский хребет из Европы в Азию.

Екатеринбург, являясь средоточием горнозаводской промышленности, пережил вместе с нею и все ужасы каторжного крепостного труда на уральских заводах при беспримерном горно-военном режиме, когда все горное дело основывалось на кнуте, розгах, палках и шципругах.

Город-именинник имеет в своем прошлом печальную честь быть центром усмирений и расправ над «возмутителями» при многочисленных бунтах горнозаводских рабочих в крепостное время, а также усмирения рабоче-крестьянских волнений в Зауралье во время Пугачевщины.

Но, являясь на протяжении многих лет центром областной промышленности, Екатеринбург, естественно, сделался и руководящим центром рабочего движения и партийной, революционной работы.

Пункт, из которого подавлялись всякие проявления рабочего движения еще в далекие от нас годы крепостного права, где сосредоточивались потом организации промышленников, ковавшие цепи рабочим,—стал пунктом, руководящим движением, направленным к низвержению ненавистного строя и к полному освобождению рабочего класса от ига царизма и капитала.

В революционной борьбе Екатеринбург дал Советской России много испытанных и закаленных борцов, с легкой руки незабываемого здесь, на Урале, народного трибуна—товарища Андрея (Я. М. Свердлова), прошедших здесь хорошую суровую школу подполья.

Екатеринбург и в годы подпольной работы, и в период Керенщины неизменно был твердым оплотом большевизма и его организация в ряде других русских организаций по твердости и уверенности своей партийной линии, несомненно, занимала одно из первых мест.

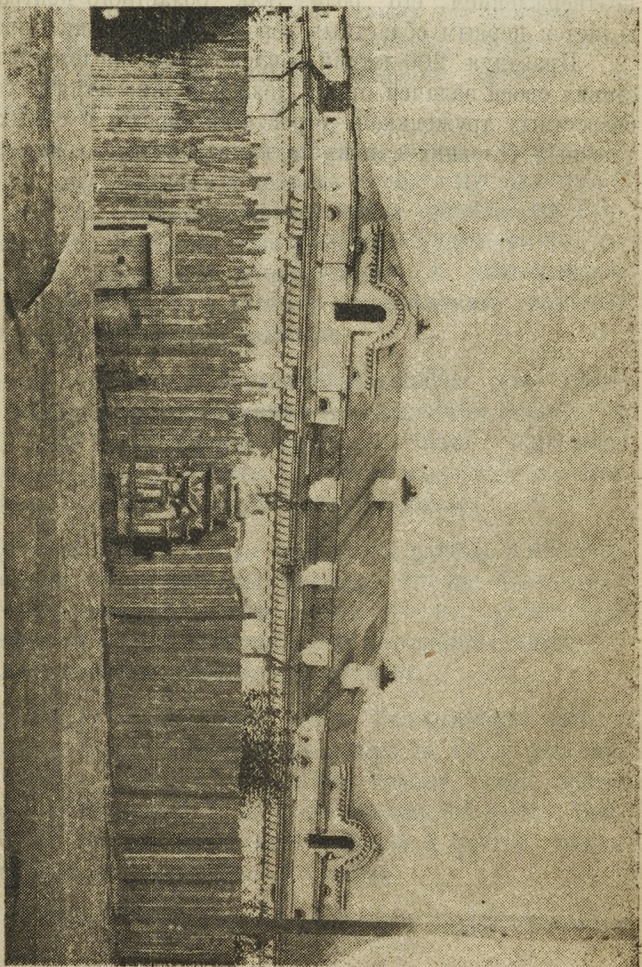
В разгар гражданской войны Екатеринбург явился пунктом, из которого начала возникать на Урале регулярная Красная армия, и он отражал первые удары уральской контр-революции. В начале гражданской войны Екатеринбургу выпала честь быть тюрьмой и местом казни (по не могиле) последнего Романова.

200-летний юбилей города совпадает с официальным

подтверждением его роли, как областного центра: он делается первым областным городом Республики Советов.

Празднуя 200-летний юбилей города, пролетариат поставил своей задачей отдать должную дань памяти тысяч неизвестных тружеников—строителей города, в самых тяжелых условиях камень за камнем создававших город.

Дом б. Ипатьева, место заключения и казни Романовых.

В нынешнем году исполняется 200 лет со дня основания Екатеринбурга...

Рожденный подъемом горнозаводского дела в России в начале 18 века, Екатеринбург пережил тяжелые годы каторжного крепостного труда при беспримерном по жестокости горно-военном режиме, никогда не теряя завоеванного им с первых дней своей жизни, господствующего экономического положения, в области, как центра Уральского металло-промышленного района.

Двух-вековой исторический путь, пройденный этим городом, от скромного завода-крепости, до большого областного города со 150 тысячным населением побуждает нас несколько оглянуться назад и попытаться выявить из туманной дымки прошлого то главное русло, по которому протекала история Уральской столицы.

Возникновение и развитие Екатеринбурга отнюдь не было явлением случайным, зависящим от прихоти какого-либо отдельного лица. Как и все в истории, оно имело свою прочную, экономическую, платформу и явилось результатом роста Уральской металлургии—внешним проявлением которого была необходимость создать центр

управления для только что возникшего тогда горнозаводского района. Установить ход развития города за 200 лет, рассказать о его прошлой жизни и определить границы взаимных влияний города на область и обратно—такова наша задача.

Заселение Урала русскими колонистами началось уже более 300 лет тому назад. Рост населения в Европейской России, неудачи, испытанные Московской государственною на западном рубеже, и, наконец, стремление крепостного крестьянина куда угодно бежать от барско-приказной палки, все эти причины двигали переселенцев на юг и северо-восток—либо на Дон, либо в вольные прикамские леса. За переселенцами по пятам двигалась государственная власть, в лице дьяков и воевод, подводивших под «высокую руку» московского царя и инородческие кочевья, и русских колонистов. Спасаясь от нового закрепощения, наиболее смелые из последних уходили дальше на восток, постепенно покоряя отдельные области великой Сибирской равнины.

Средняя часть Уральского хребта, служившая станцией между Москвой и Сибирью, естественно должна была задержать на обоих склонах своих гор значительную часть колонизационного потока. Осевшие здесь переселенцы, незнакомые в большинстве случаев с ремеслами, занялись частью хлебопашеством, частью-же охотой в дремучих уральских лесах.

Лесные чащи сделались для пришлого населения главным средством к существованию, доставляя пушной товар для меновой торговли и являлись верным убежищем от загребистых рук московского чиновничества—от его поборов и батогов.

Постепенно освоившись с местными условиями, переселенцы начали, понемногу, заниматься и горным промыслом, с незапамятных времен известным коренным обитателям Урала—народам финского племени. Выплавляя железо в сыродутных горнах («домницах») ручным способом и изготавливая из него предметы домашнего обихода, они, с течением времени, обнаружили часть местных ископаемых богатств и тем положили основание уральской металло-добывающей и обрабатывающей промышленности. В конце 17-го столетия начинают уже появляться в московских указах упоминания о «мужицких железоделаемых заводах на Каменном Поясе»; слабое развитие экономической жизни тогдашнего московского государства, не имевшего ни средств, ни особой надобности в расширении горного дела, долгое время оставляло его на Урале, в жалких, кустарных рамках.

Громадный политический и экономический сдвиг, происшедший в русской жизни в начале 18-го столетия, и нарастающая, в связи с непрерывными войнами, потребность в большом количестве металлов, заставили русское правительство озаботиться переустройством существовавших тогда органов управления государственной горной промышленности. Пришлось также обратить внимание и на положение дел на местах производства, в частности на Урале. Существовавшие тогда 4 казенных (Кунгурский, Уктусский, Каменский и Алапаевский) и 4 частных завода не могли удовлетворить требований государства на медь и железо. Таким образом, как только создалось в 1719 г. центральное управление горным делом—Берг-Коллегия, она сейчас-же поспешила принять меры

к усилению производства металлов на Урале, послал туда своего сотрудника В. Н. Татищева в качестве инструктора-распорядителя.

Капитан артиллерии Василий Никитич Татищев был даровитый, разносторонне-образованный человек Петровской школы. В своей жизни ему приходилось переделывать много дела: был Татищев и первым русским историком, и управляющим монетной конторой в Москве, и дипломатом; строил заводы, умирал башкир,—одним словом был—что называется «на все руки мастер».

Прибыв на Урал, он избрал своим местопребыванием Уктусский завод, основанный в 1705 году на мелководной речке Уктусе, за недостатком воды для двигателей немогущий вырабатывать большого количества железа. Убедившись на месте в его полной непригодности, Татищев обследовал окрестности и, посоветовавшись со своим помощником—саксонским инженером Блнером,—выбрал в 6-ти верстах от Уктуса, вверх по Исети, место для постройки нового завода, (то самое, где теперь плотина Екатеринбургского пруда). В донесении своем от 6-го февраля 1721 года, Татищев просил у Берг-Коллегии разрешения на постройку здесь завода с 4 доменными печами и 40 крычными молотами для ежегодной выработки не менее 120.000 пудов железа. Часть инвентаря он предлагал перенести сюда из Уктуса, а на самую постройку просил ассигновать 35.000 р. серебром, а также представить в его распоряжение необходимых сотрудников и средства для производства работ. Не ограничиваясь предполагаемой постройкой, он, учтя выгодное географическое положение проектируемого завода и общую необходимость в

выделении центрального административного пункта для всего Урала, мечтал создать здесь большой торговый и хорошо укрепленный город. Намеченные им—изменение направления главного Сибирского тракта, проходившего тогда через Верхотурье и перенесение в новый завод Ирбитской ярмарки казались Татищеву выполнимыми и должны были создать на Исети новый областной центр.

«Понеже», говорит он, «здесьнее место стало по середине всех заводов и места удобные, и дел довольно».

Уверенный в согласии Петербурга на выполнение его просьбы, Татищев, не дожидаясь официального разрешения, начал заготавливать материалы для постройки плотины и завода. Однако, работы его в самом разгаре были прерваны по распоряжению Берг-Коллегии, которая находила излишней постройку нового железоделательного завода, т. к. по ее мнению, их было «в России везде довольно». Татищев пытался опротестовать это нелепое решение, чем возбудил против себя в Петербурге большое недовольство, затем он посообщился с заводчиком Демидовым, и в январе 1722 года, укатил в столицу для личных объяснений по доносу последнего. В его отсутствие на Урал приехал посланный Берг-Коллегией для ревизии советник Михаелис, нашедший выбранное Татищевым место к постройке непригодным и приступил к работам по сооружению нового завода на той-же мелководной речке, только несколько выше старого селения Уктуса.

Нелюбимый в петербургских чиновных кругах Татищев не смог оправдаться в возведенных на него обви-

1723
23
нениях и в апреле 1722 года, был заменен генерал-майором Виллимом де-Генниным, управлявшим прежде Олонецкими казенными заводами. Специалист горного дела, Геннин, приехав на Урал, в сопровождении Татищева, первым делом помирил последнего с Демидовым, и затем, лично убедившись в неудобствах Уктусского завода, возобновил, прекращенные за год пред тем работы.

Весной 1723 года закипела лихорадочная работа. На пустынные берега Исети согнали толпы рабочих, вытребовали из Тобольска целый полк солдат для постройки крепости и нечеловеческими усилиями к осени того же 1723 года город-завод был уже вчерне готов*).

Поистине каторжные условия, в которых приходилось жить и трудиться строителям города—крепостным рабочим, лучше всего характеризуются следующим донесением Геннина к царю Петру: «И того ради я понужден был», пишет он о массовом дезертирстве рабочих с постройки: «по-учиненному кригс-рехту (военному суду), которые пойманы перевесить, а тем, которые подговаривали бежать и другие наказания учинить, и если не перестанут бегать и жесточе поступать буду»...

Мы не знаем, что считал Геннин «жесточе» повешения, но и само оно, применяемое как обычная мера воздействия против побегов измученного подневольного населения, является в нашем представлении невероятной жестокостью.

*) По свидетельству архивных материалов в июне 1723 г. в постройке участвовало 1315 чел. крестьян и 690 солдат Тобольского полка.

24-го ноября 1723 года пальбой из пушек, Геннин отпраздновал первые именины вновь созданного города, названного «Екатеринбургом» в честь жены Петра—царицы Екатерины.

Первое двадцатилетие со дня основания было для нового города как-бы экзаменом на право самостоятельного исторического существования, и, надо признать, что Екатеринбург выдержал этот экзамен блестяще во всех отношениях. Из маленького, сбитого на скорую руку завода, он разросся за это время, в порядочно населенный, и, сравнительно, благоустроенный, для своего времени, город. ✓

Первыми жителями Уральской столицы были, конечно, сами его строители—солдаты Тобольского полка, оставшиеся в Екатеринбурге в качестве крепостного гарнизона, а также участвовавшие в постройке вольные и крепостные рабочие. Геннин, управлявший уральскими заводами до 1734 г., перевел сюда мастеров из Уктуса и затем «приписал» к Екатеринбургу, еще несколько деревень, население коих было привлечено на завод в качестве обязательных работников.

Хотя значение, сразу приобретенное новым городом надо во многом отнести за счет энергии его первых начальников—Татищева и Геннина, но коренные причины его быстрого развития кроются в более сложных явлениях местного экономического характера. Кроме, уже отмеченного нами выше, чрезвычайно выгодного географического положения в центре горнозаводского района и на водоразделе водных бассейнов Оби и Камы, Екатеринбург многим обязан своему рождению в переходный для уральской промышленности исторический

момент. С учреждением в нем Главного Горного Управления (Обер-Берг-Амта), Екатеринбург сразу превратился в тот связующий и руководящий центр, которого, именно, не доставало неорганизованному еще тогда горнопромышленному Уралу. Естественное назначение нового города стать Уральской столицей—вот основная причина и жизнеспособности, проявленной Екатеринбургом в трудные исторические минуты, и, в то же время залог его дальнейшего развития.

С постепенным ростом города начало увеличиваться и его население, пополняясь, с одной стороны, беглыми раскольниками, которым разрешено было селиться на заводах, с другой стороны, мастерами-инострядцами и из пленных шведов и приглашенных Генином немцев. Пестрый состав жителей подчеркивался еще наличием «бесермен»—башкиров и татар из оренбургских степей.

Выстроенный на немецкий образец, с правильно распланированными улицами и укрепленный, Екатеринбург, 1733 года показался немецкому путешественнику Гмелину какой-то огромной казармой. «В городе» говорит он в своих записках, «нет ни одного дома, который не был-бы построен на императорский счет; по этому все они заняты или управителями, или мастерами с заводов». В Екатеринбурге было тогда уже около 460 домов, а вне укреплений, по обе стороны, размещались пригороды, населенные частью ссыльными, частью свободными людьми, пришедшими сюда в надежде прокормиться дневной работой на заводе.

Близость башкирских кочевий побуждала администрацию к поддержанию в порядке Екатеринбургской кре-

ности постоянный гарнизон который состоял из двух рот пехоты и 40 артиллеристов при нескольких орудиях. Внутри крепости находились--церковь, присутственные места, школа, госпиталь, богадельня, пороховой погреб, торговые ряды, различные фабрики железодельного и медеплавильного завода, шильная и мукомольная мельницы, заводские магазины, дома главного командира заводов, его помощника и прочих горных чиновников, священнослужителей, дома заводчиков и некоторых заводских мастеров и солдат. По переписи 1736 года, все мужское население города, в возрасте от 15 до 60 лет, числялось в 911 человек.

Сохранились также данные о производительности Екатеринбургского казенного завода в первые годы его работы: с 1724 по 1737 год на нем выплавлено было 1.906.900 пуд. $5\frac{3}{4}$ ф. чугуна, выработано 2.210.422 пуда 5 ф. железа полосового, 62.549 пуд. $36\frac{3}{4}$ ф. колотого, 235.565 пуд. $17\frac{3}{4}$ ф. плющильного, 32,855 п. $5\frac{1}{4}$ ф. досчатого, 70.267 п. $38\frac{1}{2}$ фун. укладу и 29.318 п. 12 фун. стали.

Небольшой, по современному масштабу тогдашний Екатеринбург был, однако, для полу-пустынного еще Урала уже крупным промышленным пунктом. Его Обер-Берг-Амтлу были подчинены все принадлежавшие казне уральские, сибирские и оренбургские заводы; вообще господствующее положение Екатеринбурга было уже и в те времена настолько очевидным, что бросалось в глаза даже поверхностному взгляду иностранца. «Время в нем», отмечает уже цитированный нами Гмелин, «мы провели с пользой и удовольствием, ибо кто хочет познакомиться с

сибирским горным и заводским делом, тот должен посетить Екатеринбург».

К сожалению, идя впереди других заводов по техническому и административному развитию, он не отставал от первых и в деле закрепощения рабочих. В записках путешественников по Уралу за первую половину 18 столетия нередко проскальзывали краткие, но яркие по своей правдивости, заметки.

Невдалеке от Екатеринбурга попадались тогда целые деревни, заселенные исключительно женщинами, т. к. все мужчины были заняты на казенных работах.

Поборы властей доходили до смешного, так, например, известен случай, когда один крестьянин принес на ярмарку 2-х поросят. За право продажи он должен был уплатить налог в 6 копеек, а за поросят выручил всего 4 копейки.

Сама заводская работа нераздельно связывалась у населения с понятием о каторге, т. к. за малейшие проступки начальство не скупилось на наказывания палками, плетью, шпицрутенами *) и проч. орудиями палача. В 1738 году в Екатеринбурге имел место даже случай сожжения на костре крещеного татарина, «совратившегося» опять в мусульманство.

После смерти Петра Первого характер русской горной промышленности начал постепенно изменяться. Начавшееся после него господство временщиков, в большинстве случаев иностранцев по происхождению, растянулось на все 18-е столетие, отразившись и на далекой Ураль-

*) Расставленные в две шеренги солдаты били палками по спине проводимого между ними ваказуемого.

ской окраине. Поколебав стройность Петровской коллегиальной системы часто менявшимися и противоположными по характеру распоряжениями, «случайные люди» сильно осложняли работу на местах. При таких условиях Геншин считал свое дальнейшее пребывание на Урале невозможным и вместо него в Екатеринбург прислали уже ранее бывшего здесь В. Н. Татищева. Трехлетнее управление им уральскими заводами (1734—1737) прошло под флагом двойной борьбы с одной стороны со столичной администрацией, а с другой — с местными заводоладельцами.

Облеченный правами, какими после него не пользовался ни один горный начальник, Татищев организовал в декабре 1734 года съезд частных заводчиков для согласования их деятельности с интересами казны и для выработки общего горнозаводского устава. Работы его в этой области не увенчались, однако, успехом, т. к. устав его был бы провален враждебными Татищеву петербургскими заправилками-немцами, а стремление урегулировать работы частновладельческих заводов не прошло по корыстным расчетам уральских капиталистов.

Между прочим, этот горный устав послужил впоследствии косвенной причиной падения Татищева, ибо все-таки сильный тогда в России герцог Бирон вышел из себя, увидя попытку заменить немецкие горные термины русскими и «так сие за зло принял, что не однажды говаривал, якобы Татищев главный злодей немцев». В 1737 году положение Татищева окончательно пошатнулось и по проискам саксонца Шемберга, заведывающего всем горным делом, Татищева перевели из Екатеринбурга в Оренбургскую экспедицию для устройства банкирского края.

Пребывание Татищева на Урале принесло несо-

мисленную пользу горному промыслу. Под его руководством расширился круг разведочных работ и значительно увеличилось число заводов, дошедшее в 1737 году до 40; некоторые заводы строились в 600 и более верстах от Екатеринбурга и Татищев каждый раз лично приезжал на осмотр места для постройки.

С отменой в 1739 году петровского горного устава, резко определился новый курс горнозаводской политики государства.

Дело в том, что горное дело, носившее прежде, главным образом казенный характер, с изданием т. наз. «Берг-регламента», намечалось к передаче в частные руки. Новое горное управление в Петербурге, сменившее Берг-Коллегию, принялось щедро раздавать государственные заводы частным лицам. Главный руководитель этой операции, уже известный нам авантюрист Шемберг, прихватив себе лакомый кусок в виде всех Гороблагодатских заводов, развел такую вакханалию в горном ведомстве, что с падением Бирона, даже всегда терпимое к хищениям, петербургское правительство выслало его за границу, отобрав имущество в казну.

С воцарением Елизаветы (в 1742 году) переменились лица, но порядок остался тем же и с 1754 по 1762 год почти все уральские заводы были розданы разным вельможам со всеми приписанными к ним крестьянами так, что в руках казны к этому времени остались только Екатеринбург и Каменск.

Входивший с 1737 года в состав Исетской провинции, управление коей было в Челябинске, Екатеринбург, лишенный функций непосредственного управления заводами, вступил в полосу застоя и упадка.

Потеряв свое административное значение, он продолжал, однако, развиваться в экономическом отношении. Выросло в нем, основанное еще Татищевым, гранильное производство; возобновились работы на монетном дворе, основанном в 1725 году, и в начале екатерининского царствования он уже выпускал на 3½ миллиона рублей медных денег ежегодно. Торговле обороты города росли

всех жителей мужского пола в том числе и детей.

С перенесением центра тяжести уральской промышленности на частные заводы, владельцы коих жили в столице, положение крепостного рабочего стало совершенно невозможным. С прикреплением к заводам отдельных деревень создавался на Урале особый, совершенно своеобразный класс крестьян-рабочих, не покинувших своих занятий по сельскому хозяйству, и несших таким образом двойную тяжесть фабричного и земледельческого труда. По словам академика Палласа, посетившего Екатеринбург в 1768 году, недостаток рабочих рук побуждал заводладельцев хлопотать о передаче им государственных крестьян за плату подушной подати. «Для рубки леса» рассказывает он об одном из местных заводов, «перевозки руды и прочих работ употребляют крестьян из Чердынского уезда в количестве 4.000 человек, которые отданы на неопределенное время на заводы. Эти несчастные должны с большими затруднениями ходить на работы по горам и болотам и очень часто жалуются на притеснения, которые им приходится терпеть. Хуже всего то, что множество их погибает от цыги или возвращается домой больными».

Насыщенность социальной атмосферы на Урале в начале 60-х годов 18-го века была очевидна для всех и крайне тревожила правительство. Крестьянский, и тесно связанный с ним здесь рабочий вопросы достигали крайнего обострения и масса «принисных» не раз пыталась проявить открытый протест против произвола начальства и капиталистов.

Не организованная пока для активной борьбы, она все-же по мере сил и возможности поддерживала существовавшие тогда в большом количестве разбойничьи шайки, грабившие купцов и чиновников, т. к. видела в них отряды протестантов против ненавистного строя и явно сочувствовала им.

Это глухое брожение, наконец, прорвалось и в 1773—1774 г.г. получило яркое выявление в так называемой Пугачевщине. Беглый казак Емельян Пугачев, объявивший себя императором Петром III (в действительности уже умершим), поднял в Заволжье знамя восстания против русского правительства.

Появление самозванцев не было редким в 18 столетии. В этот век—время всевозможных приключений, интриг и дворцовых переворотов—часто производились попытки подделаться под умерших царей, именем которых подымались мятежи, обыкновенно быстро ликвидируемые государственной властью. Попавшегося самозванца в большинстве случаев казнили, а сообщникам его вырывали ноздри и «пещадно» бив батогами, ссылали в Сибирь на вечное поселение; брожение замирало на время, до появления нового самозванца.

К Пугачевщине правительство Екатерины II отнеслось вначале как к такой же беспочвенной попытке кучки

недовольных казаков и солдат под руководством ловкого интригана поколебать существующий строй. Оно не учло того, что Пугачев, в сущности, являлся только центром, вокруг которого об'единились все обездоленные классы юго-восточной России. Не учло оно также и некоторой, хотя и не заслуженной, популярности, которой пользовалось имя Петра III среди населения горнозаводских округов; дело в том, что в его короткое царствование был издан указ, временно запрещающий заводчикам покупать новые деревни, предлагая им употреблять вольнонаемных рабочих, отказывавшихся дальше работать на заводчиков. Отсюда многие предположили, что приписанных крестьян в скором времени «царь вовсе освободит от заводской кабалы» и на этой почве возникли волнения среди уральских рабочих, отказывавшихся дальше работать на заводчиков. Таким образом удачно выбранное Пугачевым имя Петра III, невольного любимца трудовых масс, сослужило ему немалую службу.

Выброшенный им лозунг «земли и вечных вольностей», быстро об'единил вокруг самозванца все недовольные элементы, издревле беспокойного юго-востока. Казаки, башкиры, калмыки, русские крепостные и заводские рабочие—все с радостью откликнулись на зов невольного «вольного царя».

Неприятельные отношения между заводчиками и рабочими явились страшным, горячим материалом, перебросившим волну народного гнева из Оренбургских степей в Приуралье.

Естественно, что в усмирении Пугачевского бунта Екатеринбург принял деятельное участие. Как горновоенный и административный центр, он был кровно за-

интересован в том, чтобы восстание не потопило в своем буйном шквале и само заводское дело, и состоятельные классы уральского общества.

Стоявший тогда во главе Екатеринбургской горной канцелярии полковник Бибииков, поднял на ноги все имевшееся у него горное войско, мобилизовал на заводах рабочих и горных чиновников и стойко оборонялся от мятежников. Восстание жестоко убито в монастыре Сибиринского собора. Имена их уже вошли в историю Пугачевщины, как бесчеловечно-жестокых смирителей народного восстания.

Разбитые у Сысертского завода, мятежники не смогли взять Екатеринбурга, но в общем причинили много бед уральской промышленности, разорив до 56 заводов.

С окончательным подавлением Пугачевщины, в 1775 году, правительство поспешило потуже затянуть узду на трудовом населении. Эта политическая программа энергично выполнялась и на Урале, где попытка сбросить крепостное иго, дорого обошлась рабочим массам.

В 1781 году Екатеринбург из Сибирской губернии перешел в состав вновь образованного Пермского наместничества и был сделан областным городом Зауральской области. К этому времени относится значительный подъем Екатеринбургской промышленности, в свою очередь повлиявший на рост Уральской столицы. Здесь, по словам Франца Германа, долгое время управлявшего казенными заводами на Урале, находились тогда «молотная и медеплавильная фабрики, обе в каменных зда-

ниях, крытых железом, шильная мельница в одном корпусе с гранильной и шлифовальной фабриками», а также «каменный корпус с двух этажах, где размещены были присутственные места и заводский архив»; затем «каменный острог, крытый железом и с ним в одной связи главный архив с инструментальной и слесарной фабриками».

По ведомостям 1789 года к Екатеринбургскому было приписано всего 4295 душ государственных крестьян, поименно обслуживающих все казенные предприятия города. Само собою разумеется, что их употребляли только на тяжелые, черные работы за палочником во всех отраслях производства обученных, квалифицированных работников.

Административная реформа 1781 года, поставившая до некоторой степени, Екатеринбург в положение, соответствующее его экономическому значению, имела однако, существенный недостаток. Именно: все дела, касающиеся горных заводов были изъяты из ведения местного начальства и переданы горной экспедиции при Пермской казенной палате. В 1797 году эта ошибка была исправлена и здесь снова открылась Канцелярия Главного Правления заводов, преобразованная в 1802 году в Горное Управление.

Подводя итоги Екатеринбургской жизни за 18 столетие, мы сможем охарактеризовать этот период его существования, как пору ученичества в суровой школе истории. Зато начало 19-го столетия Екатеринбург встретил уже во всеоружии экономической и административной зрелости. Он уже был готов на дальнейшую борьбу за материальное развитие и раскрепощение.

Хотя с введением екатерининского «городового положения» в Екатеринбурге и появились все предусмотренные им, городские учреждения, как то: магистрат, ратуша, земский и словесный суды и проч., однако главную роль все же играл горный начальник, стоявший по отношению к городу на положении городничего и вместе с тем заведующего всеми заводами.

Вообще, период времени от начала XIX столетия вплоть до отмены крепостного права прошел для Екатеринбурга под знаком непосредственного главенства Горного ведомства над городскими учреждениями. Главный начальник уральских заводов, имевший в своем распоряжении специальное «горное» войско и целую армию чиновников и приравнивавшийся по своим правам к заместителю области, мог, следовательно, бесконтрольно распоряжаться в Уральской столице.

Переменивший в конце 18 столетия еще раз свое административное положение, Екатеринбург, вошедший уездным городом в состав измененной Пермской губернии, имел уже до 10.000 чел. населения. В нем начали возникать частные промышленные заведения мыловаренного, кожевенного, салотопенного и проч. производств. Особенно быстро развилось здесь салотопенное дело, во главе которого стояли купцы Рязановы, вырабатывавшие товару на 120.000 рублей ежегодно.

Всех промышленных предприятий считалось тогда в Екатеринбурге 10 каменных и 44 деревянных.

Вместе с тем, первая четверть прошлого столетия является эпохой расцвета крупного крепостнического капитала на Урале. Получив задаром казенные заводы, большинство столичных вельмож недолго держало их в

своих руках и, постепенно распродав их толстосумам из разночинцев. Последние быстро вернули затраченные ими на покупку деньги, а затем еще более усилив эксплуатацию рабочего труда, быстро нажили огромные капиталы. Заручившись средствами, они не жалели денег на то, чтобы пролезть в «высшее» общество и как бы стремясь сравняться в прожигании жизни с вельможами того времени, расшвыривали миллионы направо и налево. Многие из них построили тогда в Екатеринбурге и окрестных заводах огромные дома-дворцы, ставшие лучшими архитектурными украшениями города. С заводчиками вскоре стали конкурировать по роскоши владельцы золотых приисков, а в 40-х годах на Екатеринбург пролился настоящий «золотой поток», благодаря массовому открытию новых россыпей на Урале и в Западной Сибири.

Необычайная духовная нищета тогдашних кулаков более всего видна из дошедших до нас примеров их сумасбродств. Так один из виднейших уральских заводчиков—Демидов развлекался катанием летом в саях по улицам, усыпанным солью. Другой капиталист Тит Зотов, наживший на золоте в короткое время до 30 миллионов рублей, устроил однажды пиршество, продолжавшееся целый год, причем было выпито все шампанское в губернии. Следует отметить, что большинство из этих новоявленных богачей принадлежало к старообрядческим сектам и придавало благодаря своим связям и влияниям, особый «кержацкий» отпечаток всей Екатеринбургской жизни.

Вот как описывает Уральскую столицу путешественник Кунфер, бывший здесь осенью 1828 года: «В Екатеринбурге», говорит он, «много красивых каменных до-

мов, резко отличающихся величиной и архитектурой от тех жалких хижин, которые их окружают. Все они заняты чиновниками, заводоладельцами, и наиболее богатым купечеством, в домах которого можно найти не только все жизненные удобства, но подчас и большую роскошь. Улицы в городе не мощеные, но широки и хорошо распланированы. Население составляют чиновники, купцы, наиболее богатые из коих владеют рудниками и, наконец, мастеровые, работающие на окрестных рудниках и заводах.

По мере того, как росла экономическая жизнь России и постепенно изживались устаревшие рамки крепостного строя, последний, как бы предчувствуя свою неизбежную гибель, становился все более свирепым.

На Урале, в царствование Николая I, крепостническим стремлениям суждено было выявиться особенно резко, благодаря, уже упоминавшемуся, господству горного ведомства.

В 40-х годах XIX века Екатеринбург представлял из себя настоящее «государство в государстве»: тут были свои законы, свой суд и войско, совершеннейший произвол над сотнями тысяч горнозаводского населения. Ярким выразителем этой эпохи является фигура генерала Глинки, бывшего главным горным начальником с 1837 по 1856 год.

Личный друг Николая I, прямой, грозный и жестокий генерал-фронтовик, Глинка был для Урала настоящим «горным царем». Благодаря ему быстро сформировался и окреп замкнутый горный кружок уральского чиновничества, где инженеры соперничали в мотовстве с миллионерами: рекой лилось шампанское и не прекра-

щались балы под крепостную музыку. Зато сравнение с каторгой слишком слабо рисует положение тогдашнего Урала. Потом и кровью рабочих обвеяно это мрачное прошлое нашего горнозаводского дела и его центра Екатеринбург.

Однако, несмотря на все меры, принятые правительством к поддержанию крепостного права, оно все же продолжало трещать по всем швам. Характерно, что отправляя на Урал ученого Гумбольдта для исследования естественных богатств края, бывший тогда министром финансов граф Канкрин взял с него подписку об избежании «всякого выражения своего мнения о государственных и социальных порядках России».

Видно было таки, что скрывать!

К 1860 году население Екатеринбурга доросло уже до почтенной цифры 20 тысяч человек. В городе имелось около 30 заводов и фабрик, 4 библиотеки и типография. Городской бюджет за тот же год равнялся: 136.560 руб. дохода при 127.656 руб. расхода.

Падение крепостного права в 1861 г., явившееся подневольной уступкой правительства духу времени и экономическому росту страны, положило конец каторге рабочих на уральских заводах.

С потерей даровых рабочих рук, естественно, сократилось на первое время казенное и частное горнопроизводства, а сам Екатеринбург навсегда потерял свое исключительное военно-полицейское значение. Вследствие наступившей безработицы, переход к новым условиям не был очень радостен и для рабочих, которых особые комитеты заводчиков старались оставить и после

«освобождения» в полной экономической зависимости от своих предприятий.

Вообще 60-е годы представляли для Урала переходную пору, когда со старым все счеты были покончены, а новое еще не началось.

Академик Безобразов, посетивший Екатеринбург в 1867 году, указав, что этот город является средоточием казенного горного управления, говорит: «без этого последнего обстоятельства Екатеринбург едва ли мог служить скольконибудь значительным центром для частных горнозаводских интересов; в этом отношении в нем замечается даже некоторый упадок, изобличаемый опустелыми домами заводчиков и золотопромышленников и отливом капиталистов и капиталов, обращавшихся здесь в прежнее время. Не входя здесь в рассмотрение причин этого явления, я могу указать только на следующее: на отлив золотопромышленной деятельности с Урала в Сибирь и отчасти к южной Уральской области и киргизским степям, на распространение вообще к югу горнозаводского Приуральяского района, сосредоточившегося прежде по преимуществу, в северной части среднего и на северном Урале, наконец, более всего на упадок казенного горного производства и разложение, посредством недавних реформ организации горного ведомства. Последнее, как особый от прочих отраслей государственного управления административный мир, который был для типической его характеристики назван **Горным Государством**, более не существует».

Вместе с тем, те же 60-е годы характерны для Екатеринбурга большой тягой общества к образованию и общим подъемом культурного уровня в городе. В 1861 г.

здесь открылась первая мужская гимназия, а через несколько лет и женская: наравне с ними начали появляться в большом количестве и частные учебные заведения.

С введением нового городского положения и учреждением земских организаций, Екатеринбург вошел в семью остальных русских городов, постепенно изживая остатки отошедшего в вечность горно-военного режима.

Период неоформленных социальных и экономических отношений, наступивший с падением крепостного права, закончился в начале 70-х годов. Началось время нового общественного порядка, связанного с ростом частной предприимчивости в здешней жизни. Образовавшееся земство также имело большое значение для Екатеринбурга, дополняя работу нового, реформированного городского самоуправления. Ему пришлось на первых же порах, выдержать серьезную борьбу с казенными горными учреждениями, в частности с заводами, упорно не желавшими нести земские повинности.

Что касается до самого города, то он получив, как бы в наследство от горного ведомства массу безземельных рабочих, переживал период острой безработицы. Вопрос о размещении рабочей силы, оставшейся за бортом после сокращения казенного производства, долгое время был одним из самых больных в жизни Урала.

Все последующие десятилетия, вплоть до империалистической войны протекали и для Екатеринбурга сравнительно спокойно, на основе неуклонного роста экономических и культурных сил города. В 70-х годах появился первый местный печатный орган в лице «Екатеринбургской Недели», внесшей в уральскую жизнь известную долю гласности.

Из остальных культурных начинаний следует отметить возникновение, существующего и по ныне «Уральского Общества Любителей Естествознания», объединившего разнородные научные силы в области и очень много сделавшего за 50 лет своего существования в деле изучения Уральского края. Открытая по его инициативе, Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка 1887 года явилась прекрасным подтверждением значения Уральской столицы как областного центра. Соединение же Екатеринбурга железнодорожным полотном с Сибирью и Европейской Россией дало новые средства для роста города и вообще ознаменовало начало XX столетия превращением Екатеринбурга в важный, железнодорожный узел.

Переходя к последним годам существования царизма, мы не можем умолчать о крупном значении Екатеринбурга в росте русской революции вообще, и Урала в особенности. Здесь он стал не только застрельщиком, но и руководителем освободительного движения.

Партийные организации на Урале возникли позднее, чем в центральной России и на других окраинах. Объяснить это можно, отчасти тем, что у связанного наделами и хозяйством уральского рабочего люда пролетаризация происходила медленнее, нежели в других промышленных районах.

Как бы то ни было Екатеринбург, имевший в своем прошлом печальную честь быть центром усмирений и расправ при многочисленных горнозаводских бунтах, сделался в конце концов для Урала руководящим пунктом борьбы за освобождение рабочего класса от ига царизма и капитала.

Первой политической организацией здесь нужно считать так называемый Уральский Рабочий Союз, возникший в Челябинске зимой 1898 года. Разнокалиберный по составу (в него входили вместе с марксистами и народолюбцы, и народники), он сумел, однако, завести тесную связь с рабочими крупнейших уральских центров, в том числе и Екатеринбурга. Несмотря на разгром жандармами меньше, чем через год со дня основания, он успел стать первой крупинкой огня, заронившей искру в пороховой погреб революционно-настроенных рабочих масс.

На смену ему пришла в 1902—1903 г. г. Восточная группа союза С.-Д. и С.-Р., развившая свою деятельность в Екатеринбурге и бросившая в широкие рабочие массы большое количество ценной революционной литературы своего издания.

Что касается чисто социал-демократических организаций, то они начали выкристаллизовываться из общей революционной гущи только к 1903 году, когда создан в Екатеринбурге из отдельных кружков, Средне-Уральский Комитет Р. С. Д. Р. П., а затем т. н. Уральский Комитет той же партии. Последний работал главным образом во время войны и революции в 1904—6 г. г.

Эти комитеты с первых же дней возникновения взяли твердую большевистскую линию, которая у Екатеринбургской организации была потом неизменной,

Екатеринбург, влил в революционный поток много испытанных и закаленных бойцов подполья. Постановкой здесь партийной работы Екатеринбург обязан первому председателю В. Ц. И. К.—Я. М. Свердлову, работавшему в Екатеринбурге в 1905—6 г. г.

В 1914 году Екатеринбург насчитывал уже до 100 тысяч, а с Верх-Исетским заводом и до 120 тысяч жителей. Пространство, занимаемое городом, достигало 10 кв. верст, покрытых 6.000 домов и 45 фабриками и заводами, не считая многочисленных ремесленных и кустарных заведений. В городе к этому времени было: 3 театра, 4 кино, 2 ежедневных газеты, 5 журналов, 13 библиотек и до 16 типографий.

Бывший с самого начала своей партийной жизни твердым оплотом большевизма, Екатеринбург и во время Керенщины развил крупную политическую деятельность, поставившую его впоследствии во главе работы по организации Советской власти на Урале. В период гражданской войны он явился пунктом формирования первых восточных отрядов регулярной Красной армии, принявших на себя главные удары Сибирской контрреволюции.

В Екатеринбурге нашел свою смерть и последний царь династии Романовых, расстрелянный 16-го июля 1918 года по постановлению Уральского Областного Совета, в подвальном этаже Ипатьевского дома.

После кратковременного пребывания в городе колчаковцев, Красная армия, вернула 15 июля 1919 года Екатеринбург Советской России. Вместе с белыми исчезли с горизонта и все, прежде творившие историю Екатеринбурга и бывшие хозяевами его жизни. Освобожденный от буржуазной эксплуатации, город ныне гордо и свободно вступает в третий век своего существования и для него начинается новый век—жизни трудового города.

«Надо надеяться» писал в 1913 году ученый-географ П. П. Семенов-Тяньшанский, «что с изменением

устарелых горных законов и с созданием здесь мощной сети удобных путей сообщения, в наибольшей мере скрещивающихся в Екатеринбурге, горный Урал с прилегающими равнинными частями Приуралья вскоре займут то почетное в экономическом и культурном отношении место в Российской Империи, которое им предназначено по праву самой судьбой. Город же Екатеринбург превратится в один из крупнейших и люднейших торгово-промышленных центров всей России, соединенный прямыми, сплошными железными путями с Москвою, Петроградом, Архангельском, устьем Оби, Сибирью и Дальним Востоком, Туркестаном и Кавказом».

Выше приведенное предсказание ученого, в настоящее время отчасти сбылось, отчасти же продолжает сбываться: Екатеринбург уже стал одним из важнейших центров только не царской России, а Союза Социалистических Советских Республик.

67691

Ломая и переустраивая старые, изжитые, государственные формы, Рабоче-крестьянская власть естественно, должна была озаботиться и переделкой высших административных делений Республики, в зависимости от характера экономической жизни на местах. Производящиеся сейчас работы по районированию России должны, именно, оформить природные подразделения государства таким образом, чтобы вокруг господствующего центра в области группировались второстепенные пункты, тесно связанные с ним в производственном отношении.

Урал, как самостоятельная хозяйственная единица, тесно спаянная в своих отдельных частях особенностями горной промышленности, тоже будет составлять отдель-

ную область. Центром этой области, конечно, станет эе Красная столица—город Екатеринбург.

Советская власть с первых же дней своего существования на Урале осознала огромное историческое и экономическое значение Екатеринбурга для окрестных горно-заводских округов.

«В виду необходимости создать на Урале» писал Областной Комитет Советов в постановлении от 10-го января 1918 года «твердую областную власть, опирающуюся исключительно на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Областной Комитет Советов Рабочих и Солдатских депутатов Урала постановил расширить свой состав, назначив в него товарищей, выдвинутых признающими власть Рабочего и Крестьянского правительства партиями. Расширенный таким образом Областной Комитет является представителем Рабочего и Крестьянского правительства на Урале и работает в полном подчинении Совету Народных Комиссаров Российской Советской Республики. Для ответственного руководства отдельными отраслями управления Областной Комитет выделяет из своего состава следующих ответственных комиссаров-председателя: комиссаров-управления, военного, юстиции, финансов, труда, снабжения, транспорта, производства и товарищей комиссаров-управления, труда, снабжения и производства. Вопрос о назначении комиссаров сельского хозяйства и просвещения будет решен на одном из ближайших собраний Областного Комитета».

Эту широкую программу создания аппарата, в ведении которого должны были состоять Пермская, Вятская и Оренбургская губернии и который должен был опреде-

лечь точные границы области, пока равнявшиеся просто району его фактического влияния—эту программу не удалось выполнить в точности вследствие ударов Колчаковских войск. Уступая их натиску, Областной Совет в июне 1918 года эвакуировался в Пермь, где и был расформирован.

С возвращением Советов на Урал наступила пора нового серьезного подхода к созданию вокруг Екатеринбургской области, основанной на экономическом тяготении тех или иных частей края.

В настоящее время Уральская столица уже представляет из себя фактически областной центр. Возникшие здесь: Уральский Государственный Университет, с рядом технических факультетов; партийные и хозяйственные органы областного характера в роде Урал-Бюро ЦК РКП, Уралэконо, Уралпромбюро и др., представительство центральных банков и учреждений—все это придает, или вернее подчеркивает, первенствующее положение Екатеринбургской области.

По схеме, намеченной Плановой Комиссией Уралэконо, новая область будет иметь приблизительно следующий вид:

Главный город Екатеринбург, центр административной и хозяйственной жизни края, в который входят: Пермская, Екатеринбургская и Челябинская губернии, а также часть Тюменской и Оренбургской губерний, и Башкирской Республики. Что касается до небольшого, автономного, Вотского края, то он может быть объединен с Уралом, если будет признана эта связь более целесообразной, чем с Казанью—Вяткой. В таких границах Уральская область займет около 510 тыс. кв. вер. с населением до 6.000.000 человек.

Она явится первой промышленной областью, в которой будет проведено районирование. Опыт работы здесь будет учтен при районировании других частей республики.

Через несколько месяцев наступит момент, когда Урал будет управляться из Екатеринбурга Областным Исполнительным Комитетом, получающим директивы от Областного Съезда Советов.

С превращением Екатеринбурга в областной город, перед ним без сомнения, ляжет просторная дорога к дальнейшему развитию.

Не будучи пророком, можно предсказать, что промышленность и торговля, которые поддерживали его и в черные годы крепостничества, теперь, с полным освобождением производственных сил города и ископаемых богатств, навсегда утвердят за Екатеринбургом господствующее положение на огромном пространстве горнозаводского Урала.

Уральская столица уже сделалась крупным железнодорожным узлом. Сейчас в ней пересекаются 6 железнодорожных линий, а в ближайшем будущем пройдет седьмая; легкость перевала через Урал здесь в Екатеринбурге, обусловившая проводку через Екатеринбург всех местных железных дорог, обеспечивает здесь же и прорытие будущего канала, который соединит бассейны Волги и Оби.

Осуществимость этой работы уже вполне доказана и проведение канала не представит особых технических затруднений.

Значение для Екатеринбурга железнодорожных линий и водного пути в Сибирь будет огромным, благодаря

возможности дешевого обмена многими товарами и сырым материалом, доставка которых теперь почти немислима за большой стоимостью провоза.

Находясь в узле главных транспортных путей из Сибири в Россию, он станет вместе с тем излюбленным местом всевозможной мелкой и средней промышленности; наконец, его горнозаводское дело даст основу для развития машиностроения и разных металлических изделий, предназначенных для Сибири.

Зависимость производственной жизни Урала от горючих веществ—в частности лесов, как источника горючего, побудит развить, а отчасти и вновь организовать лесное хозяйство на территории свыше 30 миллионов десятин. Очевидно, что от Екатеринбурга не уйдет не только общее областное руководство лесным делом, но и непосредственное участие в распределении древесного материала и установка различных деревообделочных предприятий.

Из отдельных отраслей производства следует упомянуть также о издавна-знакомом Екатеринбургскому гранильному ремеслу.

С недавним учреждением нового треста «Русский Самоцвет», местному отделению которого переданы все копи драгоценных камней на Урале, можно ожидать быстрого под'ема каменно-резной промышленности, как в кустарном, так и в фабричном масштабе.

В Екатеринбурге, ставшем областным центром, несомненно быстро зашагает вперед и дело народного образования.

В настоящую минуту трудно даже приблизительно установить рамки значения, которое должен приобрести

для всего района здешний Государственный Университет. Основанный на-сех 3 года тому назад, он успел, однако, за этот короткий срок не только значительно окрепнуть, но и приобрести искренние симпатии широких пролетарских масс населения. Содержащий в себе пока только специальные технические факультеты и особо выделенный медицинский, он в ближайшем будущем развернет деятельность и на другие отрасли знания—станет **Университетом** в буквальном смысле слова. Кроме того намечен к открытию с нынешней осенью Коммунистический Университет, дающий высшее образование в общественно-гуманитарных науках на марксистской основе, который даст нам ряд хорошо подготовленных и обученных советских и партийных работников.

При такой широкой программе высшего образования развитие школьного дела вообще подразумевается уже само собой.

Широкими шагами двинется и движется уже вперед Урал, возглавляемый Екатеринбургом—свободным от притеснений и насилий, далеко отбросившим от себя кошмарное прошлое.

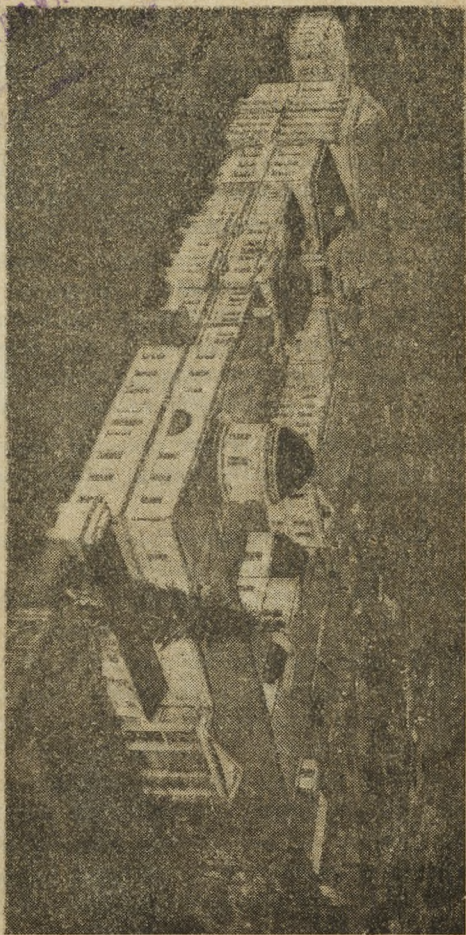
Ныне же, празднуя 200-летний юбилей родного города, уральский пролетариат празднует вместе с тем и сознание собственной независимости от стальных тисков буржуазии; он вспоминает о сотнях тысяч замученных крепостных, на костях которых стоит теперь большой-промышленный центр.

В день двухвековой годовщины мы не придем поздравлять город—именник с его нарядным внешним видом, с тем, что он стал богат и люден.

Нет... В этот день мы преклоним свои головы перед трудовым подвигом строителей Екатеринбурга—рабочих и крестьян, камень за камнем создававших город и погибавших на непосильной подневольной работе.

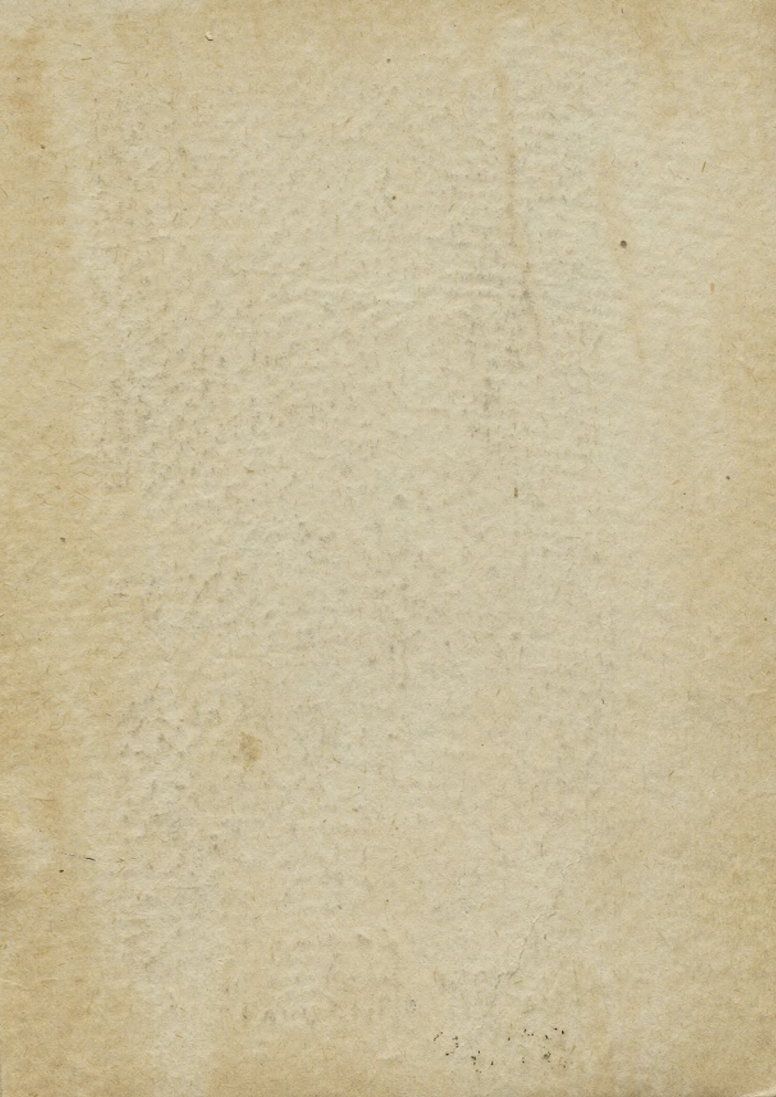
Отдав должную дань их памяти, наш трудовой, рабочий свободный Екатеринбург бодро вступает в третий век своей жизни—в красной семье остальных городов Союза Социалистических Советских Республик.

1927

Харитоновский дом.
Областной Коммунистический Университет.

67691

152

Облит № 1031. Экз. тип. „Гранит“ Аки. О-ва „Уралкнига“.
Зак. № 604. Тир. 2100.